

К тому же не надо сходу причислять его к приверженцам шаманизма только потому, что он сейчас обретается среди заснеженных гор и черных вод! Это все равно что думать, будто каждый монгол ездит на работу верхом, каждый представитель народа мяо разгуливает в серебре и поет горные песни, а каждый уроженец Хунани уплетает вонючий тофу! Хватит уже мыслить стереотипами!

От автора:

Босс: «Да ты сам выглядишь донельзя подозрительно, а-а-а-а!!!»

В пригороде далекой столицы, расположенной почти в тысяче километров от деревни Сяоцинъ, ютился небольшой храм под названием Дунлинь.

В столице, изобилующей всевозможными святынями, храм Дунлинь ничем не выделялся.

Изначально это была совсем крошечная обитель, возведенная на средства женщин из одного знатного семейства предыдущей династии, молившихся о благополучии ушедших на войну мужчин. Храм стоял на отшибе, у самого края густого леса, и прихожанами его были лишь деревенские жители из окрестностей, так что пожертвований всегда поступало негусто.

Из-за этого еще с первого настоятеля монахам приходилось жить своим трудом: спозаранку носить воду, по утрам читать молитвы, а по обеду работать в поле. По сравнению с братией других городских монастырей их жизнь была поистине суровой.

Однако нет худа без добра: именно благодаря столь уединенному расположению малая обитель уцелела в огне непрерывных войн и дожила до наших дней, насчитывая уже двухвековую историю.

Впрочем, двести лет — срок солидный разве что для молодых городов. В столице же, где древним постройкам от роду без малого полтысячелетия, этот храм едва-едва тянул на статус скромного объекта культурного наследия самого низшего ранга.

И все же, несмотря на малые размеры, храм Дунлинь в наши дни пользовался немалой популярностью. А началось все двадцать лет назад, когда тогдашний настоятель подобрал свою первую бродячую собаку.

В те времена в столице развернулась жесткая кампания по отлову животных: специальные бригады проводили совместные рейды, подбирая всех собак без поводков и документов. Пойманных псов помещали в вольеры в ожидании хозяев, а если за установленный срок никто не приходил — усыпляли.

Власти и сами не ожидали, что бездомных животных окажется так много, поэтому со временем открыли процедуру усыновления. Правда, желающим забрать собаку требовалось тут же на месте оплатить регистрацию и получить собачий паспорт.

Оформление документов в те годы обходилось столичному жителю в такую сумму, на которую можно было купить сразу нескольких породистых щенков. А если прибавить расходы на дорогу, становилось понятно, почему откликнувшихся почти не нашлось.

Настоятель храма Дунлинь отправился в приют как раз для того, чтобы откликнуться на призыв властей и обзавестись сторожевым псом.

Кто же знал, что, ступив в питомник и увидев сотни полных отчаяния глаз, он замрет от

потрясения? Настоятель тут же изменил свои планы и забрал сразу двух собак — конечно, он хотел спасти намного больше, но жесткие правила не позволили этого сделать.

С тех самых пор печальные собачьи взгляды навек врезались ему в память.

В храмах, возле исторических развалин и в парках-музеях бездомные животные встречаются на каждом шагу. Главным образом потому, что там нет их главных врагов — инспекторов городской службы отлова, — да и паломники с туристами постоянно подкармливают зверушек. Неудивительно, что со временем животные сбегались туда со всех окрестностей.

Однако кошек среди бродяжек было несравнимо больше, чем собак. И дело заключалось не только в их более высокой плодовитости, но и в человеческом факторе.

Кошки ведут себя куда тише. Вид мурлыки, греющей пузико на древних камнях, неизменно вызывает у посетителей добрую улыбку, к тому же кошки аккуратнее и за ними проще убирать.

Совсем другое дело — собаки. Представьте себе: прогуливаетесь вы в хорошем настроении, сворачиваете за угол — а там пес задрал лапу прямо на памятник. Разумеется, вся романтика моментально улетучится.

Но самое главное — кошки обычно безобидны для людей, тогда как собаки могут представлять реальную опасность.

Если на территории достопримечательности зверушка поцарапает или укусит туриста, вся ответственность ляжет на администрацию.

И каким бы ласковым ни был бродячий зверь, всегда найдутся невоспитанные посетители, которые станут дразнить или мучить его, вынуждая защищаться. Из двух видов именно собаки представляют наибольшую угрозу: кошка в крайнем случае укроется на дереве или крыше, а псу бежать некуда.

Вот почему смотрители сквозь пальцы смотрят на бродячих котов, превративших достопримечательность в свой временный дом, но категорически не терпят бегающих вокруг собак — и при их появлении тут же прогоняют их прочь.

Однако в храме Дунлинь поступили с точностью до наоборот. Эта маленькая обитель, состоявшая всего из трех залов и одной молельной, с годами приютила свыше четырех тысяч бездомных собак. В основном их забирали из городских приемников, а часть приносили волонтеры.

Хуже всего было то, что некоторые люди, продав про благородное дело монахов, подбрасывали питомцев к воротам: кто-то просто не хотел больше заботиться о псе, а кто-то бессовестно перекладывал ответственность на чужие плечи.

Из соображений гигиены и вместимости большинство собак содержали в приюте поблизости, где они дожидались новых хозяев. В самом же храме оставляли лишь старых, больных, слабых да совсем маленьких щенков, чтобы за ними было удобнее ухаживать.

Больных псов держали в карантине, а старые собаки и щенки свободно разгуливали по двору.

Поэтому прихожане часто видели лежащих во дворе крупных псов в намордниках с потускневшей шерстью и крошечных щенков, спотыкаясь семенивших за монахами.

Видя малышей, паломники радовались и нередко присаживались поиграть с ними, но при взгляде на старых псов никто не мог скрыть тоски.

Эти старички — спасенные когда-то собаки, которых так никто и не забрал за долгие годы. Почти все они подошли к концу своего земного срока, и их привели в храм, чтобы дать им возможность провести остаток дней в покое и свободе.

Пройдет совсем немного времени, и они навеки закроют глаза. Их прах поместят в маленькие керамические урны и под молитвы монахов предадут земле на заднем склоне горы, в кленовой роще.

Большую часть жизни они провели в вольерах. У них была крыша над головой и заботливые руки волонтеров, но они так и не обрели собственный дом и кусочек земли, где могли бы резвиться без ограничений.

Пройдя путь от полных сил псов, совершавших «паркур» по клеткам, до дряхлых стариков, не способных даже без поводка шагать быстрее еле видимой походки, они на самом деле оказались удачливее большинства сородичей.

И собаки были безмерно благодарны — это читалось в их кротких взглядах, обращенных к паломникам.

В последние годы, когда набрал силу призыв «не покупай — возьми из приюта», благотворительная деятельность храма Дунлинь, продолжавшаяся уже более десяти лет, наконец привлекла внимание местных пользователей Сети. А с развитием блогерства эта скромная обитель заняла теплое местечко в сердцах многих людей.

Постепенно горожане стали приезжать в храм Дунлинь на машинах, чтобы присмотреть себе питомца по душе. Появились и благотворители, регулярно присылавшие корма и лекарства. А многие прихожане и туристы приезжали просто сделать памятные снимки и пообщаться с собаками.

Однако вместе с известностью пришла и критика: не обошлось без любителей придираться. Чаще всего задавали вопрос — откуда у храма средства на содержание стольких собак?

Пожертвования храма считаются общественной собственностью и не принадлежат настоятелю лично. Не расходуются ли на содержание животных деньги из пожертвований паломников? В курсе ли остальная братия и прихожане? Все эти сомнения требовали ответов.

Пойдя навстречу публике, храм Дунлинь обнародовал часть финансовой отчетности за последние годы и открыто признал, что львиная доля средств на помощь бродячим псам поступала от одного анонимного прихожанина.

При переводах этот благодетель всегда оставлял четкие примечания, вроде: «На баночку консервов для собак» или «На говядину для песиков», так что легальность происхождения денег не вызвала сомнений.

Любопытные пользователи посчитали: в общей сложности этот благотворитель пожертвовал на собачий корм почти два миллиона юаней! Люди прониклись глубоким уважением к меценату, подписывавшемуся именем «Цзесинь».

Впрочем, всем страстно хотелось узнать, кто же скрывается за этим именем. Два миллиона — грандиозная сумма и в наши дни, а уж десять с лишним лет назад и подавно.

Любопытствовали не только комментаторы в Сети, но и сами монахи. Когда дотошные посетители стали расспрашивать братию о Цзесине, монахи лишь разводили руками: они понятия не имели, кто это. Никто никогда не встречал человека с таким именем, да и среди старших монахов поколения «Цзе» не было никого по имени Цзесинь.

— Впрочем, у нас есть собака по кличке Цзесинь, — смущенно произнес один из монахов перед объективом прямой трансляции. — Цзесинь — потомок тех самых первых двух сторожевых псов храма Дунлинь. Ей уже двенадцать лет. Похоже, тот благодетель очень любил именно ее, потому и продолжал присылать пожертвования.

С этими словами он слегка поклонился в камеру, произнес молитвенное приветствие и искренне поблагодарил таинственного благотворителя.

<http://bllate.org/book/18144/1757870>